

— В Калининграде меня ждали письма от отца Ианнуария, написанные почти месяц назад.

Ленинград, 29 июня 1979 г.

Дорогой Сашок!

— Уже больше недели как получил твоё письмо, да не собрался ответить.

— По вопросу об "этом мире" правы конечно оба, и ты и я. Но только твоя правда относительна, точнее, правда об относительном. Я же акцентировал внимание не на этой само собой разумеющейся правде, а на правде об абсолютном.

Пока живёшь, - испытываешь и добро и зло. И это элементарно. Но проблема в том, что добро в этом мире носит характер подчёркнутой условности, необязательности, зло же - обязательно. Даже человек, испытывающий в течение всей своей жизни одно добро (пусть так), в конце концов умирает, что, конечно, - зло (хотя бы как прекращение добра). А если человеку приятно умереть, то значит сама жизнь для него была хуже смерти, т.е. злом.

Как ни крути и не верти, - добро зависит от условий, зло же безусловно торжествует (конечно, квазибезусловно: в том эмпирическом мире вне спасения, о котором идёт речь).

Вот на этот характер абсолютности зла в "этом мире" я и хотел указать, отнюдь не ущемляя тем реальности относительного мирского добра.

— Пример с приёмом пищи и его результатом - неудачный, так как он не трансцендирует меня из области относительного, а тем самым не отвечает моей интуиции "человеческого" в отличие от растительного или животного.

— "Правильно ли считать, что процесс потребления пищи даёт мне в конце концов только одно: право и свободу кучу наложить?"

И да, и нет. Нет, потому что, включённый в биологическую и телеологическую цепочку причинно-следственных связей, процесс потребления пищи осмысляется относительно личных целей (удовлетворить чувству голода, укрепить силы для продолжения разумной жизни и т.д.).

— Да, - если мы усугубим пример тем, что одновременно с кучей я испустил дух. Вместе с этим непредусмотренным актом кончится мой личный биологический и телеологический опыт. О "правах и свободах" говорить "мне" будет уже нечего. Останется лишь взгляд сторонних наблюдателей, с удовлетворением или с отвращением фиксирующий: Да. Он был, и пищу потреблял, и кучу наложил, и вот его не стало.

— Первое поколение наблюдателей будет указывать перстом на мою кучу и умилённо говорить: Великий был человек, вон какую кучу наложил.

— Второе поколение в основном будет вздыхать над кучами своих непосредственных предшественников и т.д.

— Всё бы хорошо, и можно было бы даже говорить об обретённом Смысле жизни, если бы не маленькая неприятность с теми неудачниками, которые выпускают дух прежде чем успеют наложить кучу. Воистину, жизнь их была лишена Смысла. Что же говорить о тех, кто испустил дух, не успев толком потребить пищу?

— А если приличная куча есть дело удачи и случая, то и Смысл - удел осчастливленных Роком удачников.

— Это, - так сказать, аристократический взгляд на смысл жизни и смерти, и большинство он удовлетворить не может.

— Поэтому существует ещё демократический взгляд, согласно которому смысл жизни не столько в удачах личной кучепроизводительности, сколько в посильном участии в создании одной общей кучи счастливого будущего. Муравей участвует в создании муравьиной кучи бессознательно, но объективно его жизнь исполнена смысла (с точки зрения будущей кучи). Человек должен сознательно строить кучу, и чем больше он уподобится муравью, тем вернее он соединит своё субъективное бытие с объективным муравьиным смыслом. Упорствующие же выродки, не желающие приносить себя в жертву будущему счастливому коллективу, сами себя наказывают, лишая свою жизнь высшего Смысла.

— Вопрос, - где гарантии, что строящаяся куча будет принята грядущими поколениями с благодарностью, а не отвергнута как зло или бессмыслица, - не ставится. Не гарантирована также застрахованность от того, что завтра подуют ветры, пойдут дожди и не останется от кучи и следа. Таковы уж свойства и неожиданности "этого мира", смеющегося над всеми попытками найти в нём твёрдое основание для смысла.

Собственно, всё это нами обсуждалось уже зимой, и эти лишние и скучные строчки были просто спровоцированы твоим размышлением о потреблении пищи и вот этой фразой: "Если смысл жизни есть и он в том, чтобы творить добро, то я тем осмысленнее жил, чем больше..." Ты пишешь, что это попытка изложить интуитивную концепцию о смысле.

— Что ж, эта концепция не хуже других концепций. По интуиции она мне ближе, чем, скажем, противоположная концепция малефикаторов всех времён и народов: "Если смысл жизни есть, и он в том, чтобы творить зло, то..." Возражений у меня несколько, и они мною уже излагались, и они стары как человеческий род.

— 1) Речь идёт о смысле моего рождения и процесса жизни, но исключается вопрос о смысле смерти, т.о. смысл этот заведомо ограничен, относителен.

2) Как бы то ни было, я не могу не задаваться вопросом, а почему смысл в том, чтобы творить добро, а не что-то иное. Т.о. я смысл опять ставлю в зависимость от условий.

— 3) Можно принять опять же концепцию безусловности добра, но весь наш личный и исторический опыт сопротивляется этому: добро кажется, да и есть на самом деле продукт исторических условий.

— 4) А как же совесть? Разве она не голос безусловного добра? Этнография говорит - нет.

5) Ну тогда разум. Но вот разум-то мне очень часто говорит противоположное: делать зло лучше, чем делать добро.

— 6) Весь вопрос вообще превращается в прах и абсурд при мысли о случайности жизни и смерти, о несчастном случае в транспорте, о преждевременной смерти на войне, о детской смертности, о несчастной любви и печальном её конце в лишней дозе снотворного или на дне бутылки спиртного, о страданиях, приковавших тебя на годы к

постели, о врождённой слепоте или глухоте и т.д., и т.д., и т.д.

— Во всех этих миллиардах случаев разговоры о добре - пустой звук.

— Можно приводить ещё десятки "против". Но в сущности весь вопрос сводится к одному. Это - концепция смысла, всего лишь концепция. А как таковая она, конечно, может подвергаться сомнению. И подвергается.

Призывы к добру раздавались во все эпохи истории людей. Но не вспоминается мне что-то, чтобы эти призывы могли увлечь за собою сколько-нибудь значительное число приверженцев. На песке концепций смысла не построишь.

— Если смысл есть, то он должен быть истинным смыслом, а не концепцией. И как таковой, - он не может быть плодом размышлений, выводов и выдумок - всегда относительных. Мюнхгаузен только в сказке вытянул себя за волосы из болота. На самом деле такого быть не может.

— Если смысл есть (а он есть, ибо он - сама истина, а истина есть, и она одна, ибо она и есть наше "есть"), - он не выдумывается, а даётся: не плод раздумий и концепций, а плод вдохновения и откровения. Так же как наша жизнь; если она есть (а она есть, ибо она и есть наше "есть"), - она не наша выдумка и не наш произвол: не плод нашей деятельности, а плод независимого от нас дара.

— Ты сам, собственно, об этом пишешь другими словами дальше в своём письме. Мне страшно понравился твой пример с голодом, тёмной комнатой и пищей, лежащей на столе. Кажется, это то, что нужно (1).

— (1) *Помню, что мне самому понравилась аналогия с тёмной комнатой, которую я придумал. Но в чём именно она состояла - теперь уже забыл. Надо же!*

В "измах" я тебя упрекать не буду. Кстати, я давно оставил позади тенденцию нашей молодости к суперкритике. К "измам" сейчас я отношусь гораздо спокойней, а часто и откровенно благосклонно. Просто всякий "изм" должен знать своё место и не подменять собою то, что не может входить в его компетенцию. На беду эта корректность редко соблюдается и учитывается.

— 6 июля 1979 г.

— Возвращаюсь к письму спустя неделю. И честно говоря, в настоящий момент не ощущаю в себе желания продолжать все эти абстрактные рассуждения. Не потому что они бесплодны или бесполезны, просто иногда мне бывает очень трудно переключаться от конкретной данности к гипотетическим отвлечённостям. Можно пылать философским огнем возле Евангелия, метать поверх его стрелы абстракций, всю жизнь размышлять о значении тех или иных его строк, так и не прикоснувшись к нему. Не проще ли доверчиво отнестись к нему и вместо философских топтаний и плясок возле Истины вступить на путь этой Истины, путь конкретно и ясно указанный сконденсированным словесно (насколько это возможно) опытом Откровения. А после уж осмысливать результаты опыта. Разумно осмысленный опыт - критерий истины, - это трюизм.

— Разумеется, всякий опыт содержит в себе риск неудачи, но ведь вне опыта нельзя судить и о результатах его.

Но, разумеется, это только выражение моего настроения. На деле всякому опыту предшествуют условия опыта. Выяснению этих условий и были посвящены наши письма, пока они не осложнились попутными рассуждениями.

— Здесь ещё пара слов об "этом" и "том" мирах. Ты настоятельно подчёркиваешь мысль о неделимости мира. И настоятельность эта излишняя, ибо кому, где и когда приходило в голову утверждать обратное? Если даже и существуют трансцендентные миры, то уже в силу моего сознания о них они не трансцендентны безусловно. Здесь и говорить-то не о чем. И в этом плане твой пример с тёмной и освещённой комнатой замечателен. Смысл противопоставления "того" мира "этому" и состоит в том, чтобы неделимость из интеллектуально постигаемого положения (в "этом" мире) стала существенно переживаемой реальностью ("того" мира). Абстрактно неделимость бытия называется вечностью, плиромой, единосущием и как-то там ещё... Конкретно переживание этой неделимости называется спасением, Новой Жизнью, Благом и т.д. Конкретный же, осознанный путь к постижению (опытному) этой неделимости осмысляет наше движение, есть смысл жизни.

— И конечный смысл всякой религии, всякой философии в том или ином ответе на вопрос: что делать, чтобы не только абстрактно сознавать неделимость, вечность бытия, на деле же переживать своей шкурой какую-то мнимую дробность и разлагаемость "этого" космоса, причиняющую страдание, но и лично испытывать эту неделимость, неразложимость, истинность и вечность бытия?

— В какой степени удовлетворительны те или иные ответы на этот вопрос, - дело сознательного опыта человека, его разумного выбора.

Немного о себе. Уже полмесяца я служу в одном из маленьких храмов города, куда поставлен на время летних отпусков, когда не хватает рабочих рук.

Служба нелёгкая. Даже летом, когда в городе народу мало, церкви переполнены. Особенно трудно бывает в выходные дни. Нас трое священников, и мы с ног сбиваемся.

Вставать приходится в четыре утра. Проскомидия, исповедь, литургия, молебны, панихиды, вторая литургия, опять молебны, а там - отпевание покойников, тьма крещающихся... Где-то к трём часам весь мокрый с головы до ног переведёшь дух, а к шести вечера опять на службу, после которой проповедь ещё сказать надо. Домой приезжаешь, падая с ног.

В неделю у меня два выходных (понедельник и вторник), если на эти дни не приходится какой-нибудь праздник. В эти дни только и удаётся работать над диссертацией.

Но жалобы, конечно, сквозь улыбку, так как вообще-то всё отраднее и утешительнее. А в метро и почитать кое-что можно.

— На днях отправил поздравление Ляцкому к его сорокалетию. Полпути позади.

— Большой привет Сашуле, всего доброго, целую.

— Твой Ианнуарий.

— Затем в нашей переписке наступил перерыв до конца года.

(продолжение следует)

[Главная страница](#) — [Путеводитель по "Запискам рыбакова-любителя"](#)